

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'38

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-3-540-552>

Шифр научной специальности 5.9.5

Стихотворения А.С. Пушкина «Я вас любил» и «На холмах Грузии» в контексте лингвистического анализа художественного текста

Анатолий Леонидович Шарандин

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

 sharandin@list.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Актуальность сопоставительного анализа стихотворений А.С. Пушкина «Я вас любил» и «На холмах Грузии» с позиций лингвистического анализа художественного текста (ЛАХТ), который имеет по существу комплексный характер, позволяющий наиболее эффективно отражать межпредметные связи и междисциплинарные знания в рамках многоуровневой системы языка. Цель – на основе языкового анализа показать возможности интерпретации пушкинских текстов с учётом их тематической и жанровой близости, особенностей композиционного построения и образности. Особое место уделено актуальному членению предложения, которое часто не оказывается компонентом ЛАХТ. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** В качестве языкового материала представлены тексты А.С. Пушкина. Используются описательный и текстуальный методы. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ** подтверждают выводы исследователей о простоте языка пушкинских текстов как показателе идиостиля поэта в поздний период его творчества. Наиболее существенным признаком, играющим значительную роль в создании общей образности, является инверсия, которая близка к разговорной литературной речи. Выявлены смысловые нагрузки грамматических частей высказывания, которые имеют различное соотношение с актуальным членением. В результате установлено, что актуальное членение предложения выполняет функцию смыслового развёртывания текста, структурирует в нём смысловые связи между высказываниями, которые в своём единстве обеспечивают целостное понимание текста. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Анализ стихотворений А.С. Пушкина показал необходимость учёта в ЛАХТ не только традиционно выделяемых его компонентов (история создания текста, его тематика и жанр, образы, образительно-выразительные средства), но и такой компонент, как актуальное членение предложения. Оно является системно востребованным компонентом для понимания текста в целом, позволяет осмыслить единство языка и литературоведения в восприятии читателем художественного текста как эстетического объекта.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, поэтическое творчество, лингвистический анализ художественного текста, простота языка стихов как показатель идиостиля поэта, инверсия, актуальное членение предложения и текста

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора: А.Л. Шарандин – общая концепция статьи, поиск и анализ литературы, обработка результатов исследования, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов. А.Л. Шарандин является членом редакционной коллегии журнала «Нефилология», но не имеет никакого отношения к решению опубликовать эту статью. Статья прошла принятую в журнале процедуру рецензирования. Об иных конфликтах интересов автор не заявлял.

Для цитирования: Шарандин А.Л. Стихотворения А.С. Пушкина «Я вас любил» и «На холмах Грузии» в контексте лингвистического анализа художественного текста // Нефилология. 2025. Т. 11. № 3. С. 540-552. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-3-540-552>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-3-540-552>

OECD 6.02; ASJC 1203

A.S. Pushkin's poems "I loved you" and "On the hills of Georgia" in the context of linguistic analysis of a literary text

Anatoly L. Sharandin

Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation

 sharandin@list.ru

Abstract

IMPORTANCE. The relevance of a comparative analysis of A.S. Pushkin's poems "I loved you" and "On the hills of Georgia" lies in the methodology application of linguistic analysis of literary text. This approach is inherently comprehensive, enabling the most effective reflection of interdisciplinary connections and knowledge within the framework of a multi-level language system. The aim of the research is to use linguistic analysis to demonstrate the potential for interpreting Pushkin's texts, taking into account their thematic and genre proximity, specifics of compositional structure, and imagery. Special attention is paid to the functional sentence perspective (actual division), which is often not considered a component of linguistic analysis of literary text. **MATERIALS AND METHODS.** The texts of A.S. Pushkin are presented as linguistic material. Descriptive and textual methods are used. **RESULTS AND DISCUSSION.** Research results confirm scholars' conclusions about the simplicity of language in Pushkin's texts as a characteristic feature of the poet's individual style during his late creative period. The most significant trait, playing a considerable role in creating the overall imagery, is inversion, which exhibits proximity to colloquial literary speech. The study has identified semantic loads of grammatical components within utterances, demonstrating varying relationships with functional sentence perspective (actual division). Consequently, it has been established that functional sentence perspective facilitates the semantic development of the text, structures meaningful connections between utterances, and ultimately ensures a holistic comprehension of the text through their unity. **CONCLUSION.** The analysis of A.S. Pushkin's poems has demonstrated the necessity of incorporating into the linguistic analysis of literary text not only its traditionally recognized components (the text's history of creation, its themes and genre, imagery, and figurative-expressive devices) but also such an element as functional sentence perspective (actual division). This component is systematically essential for understanding the text as a whole and enables the unity comprehension between linguistics and literary studies in the reader's perception of a literary text as an aesthetic object.

Keywords: A.S. Pushkin, poetic creativity, linguistic analysis of the artistic text, the simplicity of the poems as an indicator of the poet's idiosyncrasy, inversion, the actual articulation of the sentence and the text

Funding. This research received no external funding.

Author's Contribution: A.L. Sharandin – the general research concept, search and literature analysis, research results' processing, writing – original draft preparation.

Conflict of Interests. A.L. Sharandin is a member of the Editorial Board of the journal "Neophilology", but has nothing to do with the decision to publish this article. The article has passed the review procedure accepted in the journal. The authors did not declare any other conflicts of interest.

For citation: Sharandin, A.L. A.S. Pushkin's poems "I loved you" and "On the hills of Georgia" in the context of linguistic analysis of a literary text. *Neofilologiya* = *Neophilology*, 2025;11(3):540-552. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-3-540-552>

ВВЕДЕНИЕ

Лингвистический анализ художественного текста (ЛАХТ) занимает особое место в системе разных типов анализа языка, которые, в целом и отдельно, являются значимой составляющей в системном обучении русскому языку и литературе в школе и вузе. Его специфика определяется тем, что ЛАХТ оказывается в значительной степени *комплексным* анализом, проведение которого позволяет наиболее эффективно проверить межпредметные связи и междисциплинарные знания в рамках многоуровневой системы языка [1]. Межпредметная связь представлена, прежде всего, интеграцией лингвистики и литературоведения. Это естественно, поскольку их союз определяется природой художественного произведения, где невозможно с позиций онтологического статуса этого объекта произвести раздельное его осмысление с точки зрения когниции (сознания), литературоведения и лингвистики.

С нашей точки зрения, **произведение** – это созданный («произведенный») продукт художественного творчества как речемыслительной деятельности, в которой реализован художественный замысел автора, отражающий его когнитивные способности в осмыслении реальной или вымышленной действительности, творчески воссозданной им в художественном сознании и объективированной целостным и законченным содержанием текста. Доступность к его восприятию и пониманию обеспечивает язык как многоуровневая система изобразительно-выразительных средств (единиц), коррелирующая с практической системой языковых знаков, представленных, прежде всего, словами. Такой подход к определению произведения позволяет видеть нетождественность понятий произведения и текста. «Текст, – как отмечал Ю.М. Лотман, – один из компонентов художественного произведения, конечно, крайне существенный компонент, без которого существование художественного произведения невозможно. Но художественный эффект в целом возникает из сопоставлений текста со сложным комплексом жизненных и идейно-эстетических представлений» [2, с. 24-25]. В

этом случае комплекс указанных представлений оказывается тем когнитивным контекстом (внетекстовой информацией), привлечение которого позволяет читателю воспринимать и осмысливать не только собственно текстовое содержание, но и внетекстовую информацию. Именно в своей совокупности и взаимосвязи они обеспечивают полноту восприятия смысла (идеи) текста, приближая читателя к пониманию художественного замысла автора. При этом, как отмечал М.М. Бахтин, «если за текстом не стоит «язык», то это уже не текст, а естественно-натуральное (не знаковое явление), например, комплекс естественных выкриков и стонов, лишённых языковой (знаковой) повторяемости» [3, с. 308].

Единство художественного сознания, литературного (художественного) содержания и языка может подвергаться самостоятельному отдельному рассмотрению в анализе произведения (текста). Однако такое разделение возможно только с позиций исследовательской целесообразности, когда детальное рассмотрение объекта в каком-то одном из аспектов даёт возможность более глубоко осмыслить и описать художественные функции каждой из этих составляющих произведения. Об онтологической целостности и исследовательской расчленённости (аспектности) [4] свидетельствует сам термин «лингвистический анализ художественного текста», который, будучи составным, определяет в качестве *объекта* художественный текст (произведение) в его литературоведческом понимании, а в качестве *предмета* (аспекта) его анализа оказывается лингвистическое описание. В зависимости же от целей описания художественного текста, началом анализа художественного текста может быть как лингвистический, так и литературоведческий материал. Однако чаще всего началом оказывается литературоведческий анализ, особенно в части идейно-образного, жанрового и композиционного осмысления текста.

Значительную роль в восприятии произведения играет **внетекстовая информация**, позволяющая погрузить анализ содержания текста в сопоставление с личными события-

ми в жизни автора, чтобы глубже и полнее понять создание произведений. В нашем случае стихотворения «Я вас любил» и «На холмах Грузии» связаны, прежде всего, с жизненными событиями поэта, которые по своему конечному результату оказались близкими друг другу. Поэтому мы имеем по существу *дискурсивные тексты*, то есть тексты, «погруженные в жизнь» (Н.Д. Арутюнова) поэта. Биографические факты позволяют в тематическом плане определить содержание стихотворений не столько как стихов о любви, сколько *о любви безответной*.

Кроме того, внетекстовая информация, связанная со знанием реальной ситуации, создаёт своего рода *эмоциональный фон текста*, который может оказать вполне определённое воздействие на его восприятие читателем, в жизни которого также возможна была неразделённая любовь.

Цель – на основе языкового анализа показать возможности интерпретации пушкинских текстов с учётом их тематической и жанровой близости, особенностей композиционного построения и образности, создаваемой изобразительно-выразительными средствами, чаще всего словесного типа. Естественно, все эти компоненты присутствуют и в настоящей статье.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В качестве языкового материала являются художественные тексты А.С. Пушкина, анализ которых осуществляется на основе текстуального и описательного методов. При этом особое внимание уделено *актуальному членению предложения*, которое часто не оказывается компонентом системного лингвистического описания художественного текста. На наш взгляд, актуальное членение предложения выполняет функцию смыслового развёртывания текста, структурирует в нём смысловые связи между высказываниями, которые в своём единстве обеспечивают целостное восприятие текста с позиций его актуального членения. В целом же это позволяет осмыслить единство языка и литературоведения в понимании и восприятии чи-

тателем художественного текста как эстетического объекта.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Тематика, жанр, особенности композиции. В ЛАХТ одним из основных пунктов является определение тематики анализируемого художественного текста и литературного жанра, представляющего его. В этом плане стихотворения «Я вас любил» и «На холмах Грузии» относят к **теме любви**, которая достаточно широко представлена в поэтическом творчестве А.С. Пушкина. При этом речь идёт о *безответной любви*, поскольку данные произведения отразили реакцию поэта на отказ возлюбленных в чувствах к поэту.

Как правило, их описание определяет содержание *элегий* – жанра лирической поэзии, в котором чувства воспринимаются в сентиментальном или романтическом ракурсе некоторых размышлений автора о смысле человеческой жизни, природе, воспринимаемой как фон для переживаний лирического героя, о вечности и преходящем характере природных явлений, об эмоциях личности, которые не всегда подвластны человеческому разуму и памяти сердца. Все эти признаки достаточно наглядно представлены в анализируемых текстах А.С. Пушкина. Поэтому в жанровом отношении большинство пушкинистов определяет тексты как *элегические*.

При этом обращает на себя внимание то, что безответная любовь по-разному воспринимается и осмысливается поэтом в этих произведениях. В стихотворении «Я вас любил» отказ вызывает *разочарование*, поскольку возлюбленная не смогла по достоинству оценить его чувства и ответить взаимностью на них. Однако при этом её отказ не порождает злобу и обиду. Более того, в тексте присутствует пожелание ей счастья и любви с другим человеком, которого она полюбит в будущем. В стихотворении «На холмах Грузии» нет разочарования, а есть *грусть и печаль*, которые естественны в этой ситуации, однако здесь присутствует и *надежда* на взаимную любовь в дальнейшем.

В композиционном построении анализируемых художественных текстов обращает на себя внимание то, как эти две ситуации с отказом возлюбленных нашли отражение в художественном осмыслении через *диалог поэта* с возлюбленными. Правда, этот диалог в большей степени ощущается в стихотворении «Я вас любил», хотя при этом он специфичен: лирический герой только обращается к возлюбленной и не ждёт от неё ответа. Она пассивна, но её пассивность вполне объяснима, поскольку лирический герой как бы предугадывает возможные вопросы возлюбленной и отвечает на них. Такого рода диалог можно охарактеризовать как *внутренний диалог*, как своего рода *монологический диалог*, в котором выделяются ключевые слова и сочетания, актуальные для лирического героя. Поэтому вместо диалога автора и его возлюбленной присутствует, по существу, диалог между его чувствами, между сердцем и разумом, когда память сердца ещё сохраняет светлые воспоминания и чувства, а разум соотносит их с реальностью, в которой эти чувства остались безответными. Однако при этом разум может подарить надежду, поскольку сердце поэта не может не любить.

В стихотворении «На холмах Грузии», в отличие от текста «Я вас любил», нет внутреннего диалога, хотя связь с возлюбленной в тексте всё же присутствует и актуально выделена (*Печаль моя полна тобою, Тобой, одной тобой*). При этом отметим, что адресат выражен языковой формой местоимения **Ты** (*тобой*), в отличие от выраженности адресата в тексте «Я вас любил» – местоимением **Вы** (*вас*). Это даёт возможность предположить, что отношение к возлюбленной в тексте «На холмах Грузии» более нежное, более чувственное, находившее, возможно, больший отклик в её отношении к поэту. Дело в том, что для Пушкина противопоставление «ты и вы» имеет оценочное значение и было значимо в человеческом плане. Об этом мы можем судить по его стихотворению «**Ты и Вы**» (1828 г.), в котором есть такие строки: *Пустое вы сердечным ты / Она, обмолвись, заменила*. Обращение *Ты* в восприятии поэта наполнено сердечной близостью, тогда как *Вы* – это лишь вежливое обращение.

Таким образом, если текст «Я вас любил» в большей степени построен как *внутренний диалог*, то текст «На холмах Грузии» можно охарактеризовать как *монолог-откровение*, который отражает размышления и чувства поэта на фоне природы – ночной мглы на холмах Грузии и шума реки Арагвы. Такая сопричастность, своего рода единение с природой, художественно значима, поскольку красоты и естественность природы, её вечность и постоянное возрождение пробуждают в сердце лирического героя высокие чувства. Вследствие этого, в тексте представлено *два мира* – внешний (природа) и внутренний (чувства лирического героя). Но его откровение о любви всё же адресовано не природе, описание которой очень краткое (2 строки), а незримой возлюбленной, чувства к которой описаны в 6 строках (весь текст состоит из 8 строк). И при этом обратим внимание на языковую форму выражения автором текста самого себя: отсутствует именительная, то есть прямая форма личного местоимения **Я**, а присутствуют косвенные формы (*мною, мне*) и их атрибутивные формы (*моя, моего*). Это позволяет охарактеризовать автора текста или его лирического героя как бы несколько отстранённого в создании этого монолога. Он как бы оценивает происходящее со стороны. Поэтому лирический герой нигде не представлен как субъект высказывания в форме личного местоимения именительного падежа. Да и возлюбленная в высказываниях также представлена косвенной формой местоимения. Это даже позволило А.К. Жолковскому, ссылаясь на мнение известного пушкиниста С.М. Бонди и других исследователей поэзии Пушкина, сделать вывод, что «торжествует фатальная безличность – бессубъектность и безобъектность – изображаемого чувства» [5, с. 160].

Однако, на наш взгляд, косвенные формы личного местоимения **Я** и **Ты** не характеризуют отсутствие субъекта и объекта в этом стихотворении. В целом, как и в стихотворении «Я вас любил», их присутствие представлено, но не оказывается в основном фокусе внимания, не концентрирует на себе такого восприятия, которое было бы в случае

их выражения прямыми формами личных местоимений **Я** и **Ты**.

2. Образность текстов и её специфика как особенность позднего идиостиля Пушкина. Основную смысловую нагрузку, определяющую восприятие текстов как художественных произведений, несут те языковые средства, которые связаны с их образностью. Именно образность, создаваемая автором и воспринимаемая читателем, признается большинством исследователей в качестве одного из *основных признаков*, обуславливающих статус текста как художественного (эстетического) объекта. По мнению В.А. Звегинцева, «образность есть язык художественного произведения» [6, с. 294]. При этом важно не сводить образность к тем или иным тропам, фигурам и другим изобразительно-выразительным средствам, поскольку есть художественные тексты, в которых они отсутствуют в эксплицитном виде, но, тем не менее, статус текста как художественного не подвергается сомнению. Вследствие этого, образность чаще всего понимается достаточно широко. В частности, именно на этой основе получила развитие теория «**общей образности**», которая во многом связана с утверждением А.М. Пешковского, что «дело не в одних образных выражениях, а в неизбежной образности каждого слова, поскольку оно даётся, как принято говорить, в плане общей образности» [7, с. 158]. В основе концепции «общей образности» лежит представление о художественном произведении как замкнутой и целостной системе, элементы которой образуют структуру и обнаруживают такие связи и отношения, которые обуславливают внутреннее единство этой системы и позволяют ей выполнять определённую *поэтическую функцию* – эстетическую. **Общая образность** – это то, что отличает художественный текст как авторское произведение от практических текстов, служащих средством человеческого общения безотносительно установления их авторов.

В рамках общей образности следует выделять *собственно образность*, представленную конкретными видами художественной изобразительности (сравнениями, метафорами, символами и т. п.), и *безОбраз-*

ность, которая не характеризуется наличием этих специальных средств, но, тем не менее, восприятие общей образности при этом сохраняется. Образцом произведения, имеющего такую образность («безОбразность»), несомненно, является стихотворение А.С. Пушкина «**Я вас любил...**», в котором поэтический язык приближён к обыденному языку. В этом случае художественное мастерство поэтов достигает совершенства, поскольку они способны создать такие поэтические системы, в которых обычные слова формируют у читателя особый *образ-ощущение, образ-чувство*. Его реализация в тексте, его художественная сила «не в том, что разумел под ним автор, а в том, как оно *действует* на читателя или зрителя» [8, с. 167].

И действительно, ведь в содержательном плане нет ничего необычного в этих пушкинских текстах, да и с точки зрения языковой выразительности тоже. Отсутствие чего-то необычного создаёт определённую *гармонию* между поэтическим содержанием и формой пушкинского текста в его восприятии читателем. Эта гармония позволяет воспринимать текст как естественный. Его языковая форма оказывается настолько привычной и простой, что «вычислить» (на основе «перевода» поэтического текста в практический текст) собственно поэтический смысл оказывается затруднительным. Ср. «**Я вас любил**» в пушкинском варианте и в варианте нормативного порядка слов, обусловленного основными тенденциями (закономерностями) в русском языке.

В целом же стихотворения «Я вас любил» и «На холмах Грузии» достаточно естественны и просты в **языковом плане**. В них мало *индивидуальных* (авторских) **метафор** (*на холмах Грузии лежит ночная мгла, печаль моя полна тобою, унынья моего ничто не мучит, не тревожит, и сердце вновь горит*), которые отражают внутренний мир лирического героя. При этом они достаточно привычны для художественного языкового сознания носителей русского языка. Их по существу «стёртый», «потухший» характер не обуславливает чего-то необычного в восприятии переносного смысла в обозначении предметов и явлений действительности (ср.:

любовь угасла не совсем; сердце горит и любит). Единичными являются и *эпитеты*, представленные в предикативной форме (*печаль моя светла, мне грустно и легко*), которые характеризуют состояние поэта. Что же касается *сравнений*, то в тексте «На холмах Грузии» их нет, а в тексте «Я вас любил» сравнение *Как дай вам Бог любимой быть другим* не отличается авторской новизной, а, скорее всего, традиционно.

Таким образом, с точки зрения образности как основного признака художественного текста в этих стихотворениях мы имеем по существу так называемую *безобразность*, которая характеризуется отсутствием или наличием небольшого количества специальных изобразительно-выразительных средств типа сравнений, метафор, эпитетов, близких в содержательном отношении к традиционному восприятию. Но, тем не менее, восприятие общей образности при этом сохраняется. По мнению проф. В.А. Звегинцева, стихотворение, в частности, «Я вас любил» не только не теряет своей волшебной силы художественного воздействия, но и стоит в ряду лучших созданий поэта [6, с. 29].

Что же касается простоты языка текстов А.С. Пушкина, то она может рассматриваться как *особенность его поэтического идиостилия*. Исследователи языка пушкинских произведений отмечают, что в его лирике позднего периода это не случайно, а мотивировано художественной целеустановкой самого поэта. Так, по мнению исследователя русской лирики Л.Я. Гинзбург, «от прозрачного элегического стиля Пушкин шёл не к повышенной образности, а, напротив того, к «нагой простоте» [9, с. 209]. С её точки зрения, «Пушкин снял противоречие между особой лирической речью и речью повседневной, сделав бытовые слова потенциальными носителями лирического смысла» [9, с. 173].

Как отмечал известный филолог Р.О. Якобсон, «в поэзии Пушкина путеводная значимость морфологической и синтаксической ткани сплетается и соперничает с художественной ролью словесных тропов, нередко овладевая стихами и превращаясь в

главного, даже единственного носителя их сокровенной символики» [10, с. 482].

Наиболее существенным признаком, характеризующим данные тексты с точки зрения грамматики, играющей значительную роль в создании общей образности, является *инверсия*, которая близка к разговорной литературной речи. Что происходит с пушкинским текстом, если исключить инверсионное построение элементов высказываний? На наш взгляд, в этом случае утрачивается скрывающееся за инверсией ощущение взволнованности автора. Поэтому он как бы стремится выделить ключевые для его состояния слова посредством их актуализации, для чего использует рематическую функцию, помещая слова, передающие его взволнованное состояние, в конец предложений. Поскольку текст «Я вас любил» с позиций актуального членения предложения и текста в целом был уже представлен в моей статье [11], то в рамках настоящей статьи в этом плане рассматривается текст «На холмах Грузии».

3. Актуальное членение предложения и текста как компонент художественного анализа.

3.1. Актуальное членение пушкинского текста «На холмах Грузии» (рема выделена жирным шрифтом).

*На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит – оттого,
Что не любить оно не может.*

В первом высказывании рематическая часть представлена грамматической основой (предложением), а тематическая часть – детерминантом (распространителем предложения). Поэтому коммуникативным заданием данного членения оказывает вопрос: *Что происходит на холмах Грузии?* В ответе на него в реме значимо сочетание *ночная мгла*. Такое сочетание сопряжено с сочетанием смыслов (значений), выраженных атрибутом (логическим определением) *ночная* и опреде-

ляемого субстантива *мгла*. По мнению А.К. Жолковского, «ночная мгла – это тьма, но не полная» [5, с. 47]. При этом он ссылается на вывод Ю.М. Лотмана о том, что «мгла у Пушкина никогда не означает просто темноту, а всегда ночную тьму, перемешанную с чем-либо» [12, с. 801]. В данном случае Ю.М. Лотман усматривал связь ночной мглы со светом луны, хотя в тексте такая проекция на лунный свет словесно не подтверждается. Но, на наш взгляд, если бы ночная мгла воспринималась бы как полная тьма, то, наверное, лирическому герою было бы не доступно видеть холмы гор и реку Арагву. В художественном же смысле это можно трактовать как фон для восприятия таких чувств, как печаль, уныние. Они не погружены в полностью беспросветную ситуацию, ведь у Пушкина печаль *светла*, и свет он связывает с воспоминаниями о возлюбленной. Поэтому атрибут *ночная* оказывается не столько логическим определением к существительному *мгла*, сколько метафорическим эпитетом, выполняющим художественную функцию.

Второе высказывание в актуальном членении необычно тем, что вначале выделяется рема (*Шумит Арагва*), а затем тема (*предо мною*), то есть нарушен традиционный порядок их следования в высказывании. Однако в этом случае следует обратить внимание на то, что первое и второе высказывания определяют содержание сложного бессоюзного предложения. В его структуре позиция ремы представлена двумя рематическими частями, близкими не только в языковом плане (представлены двусоставными грамматическими основами), но и в позиционном (*Лежит ночная мгла и шумит Арагва*). По отношению к общей реме близкими оказываются темы *на холмах Грузии* и *предо мною*, которые вполне могли быть объединёнными в составе сложного предложения (*На холмах Грузии предо мною*).

Третья строка стихотворения *Мне грустно и легко*; *печаль моя светла*; представлена двумя высказываниями. В актуальном плане их членение достаточно прозрачно. Высказывание *Мне грустно и легко* членится на тему *Мне*, выраженную косвенной формой

личного местоимения **Я**, и реме *грустно и легко*. В этой реме, конечно, обращает на себя внимание сочетание однородных предикатов, которые в содержательном плане, скорее всего, антонимичны, чем синонимичны, что предполагало бы употребление не соединительного союза «и», а противительного союза «но». Однако для Пушкина важно было показать их целостность, их взаимосвязь, объяснению которому мы находим в следующем высказывании, также объединяющему противоположные смыслы – *печаль* и *светла*. Включение смысла *светлый* связано с любимым человеком, образ которого присутствует даже в состоянии печали: *печаль моя полна тобою. Тобой, одной тобой...* Данный повтор занимает позицию дополнения и становится смысловым центром в понимании чувств лирического героя. Эти чувства не абстрактны для него, они конкретны в связи с воспоминаниями о возлюбленной. Именно это состояние определяет и отношение лирического героя к своему унынию: *Унынья моего / Ничто не мучит, не тревожит*. И если в стихотворении «Я вас любил» то, что может печалить и тревожить, обращено к возлюбленной, как показатель большой любви, которая была к ней у лирического героя, то в этом стихотворении речь идёт о самом лирическом герое. Для него это не то унынье (уныние), которое позволяет во всём ощущать по-особому происходящее вокруг, а то уныние, которое связано с отсутствием здесь и сейчас любимого человека (возлюбленной), но оно не перечёркивает в сознании лирического героя близость в будущем, возможно даже в ближайшее время. И связано это с осознанием себя как человека, который не может жить без любви, сердце которого всегда открыто для любви: *И сердце вновь горит и любит* – оттого / *Что не любить оно не может*. Лирический герой отсылает читателя к своему сердцу как символу любви. Он как бы подчёркивает важность постоянно находиться в состоянии любви, не терять надежду на то, что можешь быть любимым, вновь и вновь ощущать те чувства, которые даёт любовь. С точки зрения актуального членения тема сердца представлена и в первом высказывании, и во вто-

ром – местоимением **оно**, выполняющим заместительную функцию.

Таким образом, актуальное членение предложений в тексте «На холмах Грузии» выполняет *текстообразующую функцию*, реализация которой учитывает авторский инверсионный порядок, сориентированный на актуализацию значимых смысловых компонентов текста.

3.2. Типы актуального членения предложения в соотношении с его грамматическим членением. Вопрос о соотношении актуального и грамматического членения предложения (высказывания) во многом определяется решением вопроса об их статусе в синтаксисе и его связи с коммуникацией в качестве важнейшего компонента, интегрированного в неё. Традиционно выделяют *две позиции*: 1) актуальное членение **автономно**, оно представляет собой отдельное самостоятельное устройство в общем синтаксическом механизме; 2) актуальное и грамматическое членение – это **два аспекта анализа** предложения, которые не существуют автономно друг от друга, а **взаимосвязаны** друг с другом. Большинство лингвистов придерживается второй позиции.

На наш взгляд, несовпадение актуального членения с грамматическим членением обусловлено тем, что оно строится на других принципах своей организации, не имеющих той жёсткости в закреплении грамматического смысла, которое присуще грамматическому членению (ср. подлежащее – им. п. существительного или личного местоимения, предикат – личные формы глагола и т. д.). Поэтому у коммуникантов больше возможностей для использования грамматики вообще и синтаксиса в частности в актуализации смысла передаваемой информации. Показательным в этом плане является выраженность темы или ремы грамматической основой предложения (высказывания), то есть она целиком входит в их состав. В этом случае соотношение актуального и грамматического членения предстаёт в большем многообразии и характеризуется большей свободой в средствах выражения. В результате можно говорить, что в этом случае актуальное членение сориентировано не столько на структурный

синтаксис, сколько на текст (дискурс), что позволяет в предложении осмыслить его роль в коммуникативном пространстве, то есть объектом актуального членения является предложение как коммуникативно-структурная единица. Именно с этих позиций мы представляем соотношение актуального и грамматического членения предложения в стихотворении А.С. Пушкина «На холмах Грузии».

1. **Рематическое членение**, характеризующееся отсутствием темы, не представлено.

2. **Тема-рематическое (предложенческое) членение** предполагает соотнесённость одного из компонентов с грамматической основой (предложением). В тексте данное членение представлено в трёх высказываниях, в которых рема соотносится с грамматической основой (предложением): а) *На холмах Грузии лежит ночная мгла*; б) *Шумит Арагва предо мною*. 3) **Ничто не мучит, не тревожит**. Тема выражена 1) детерминантом (*На холмах Грузии*) и 2) дополнением, выраженным косвенной формой личного местоимения **Я**: а) *предо мною*, б) *мне* и в субстантивном сочетании в) *унынья моего*.

3. **Тема-рематическое членение (традиционное)** характеризуется соотношением с грамматическим членением на подлежащее (или его состав) и сказуемое (или его состав). Нормативная соотнесённость проявляется в связи темы с подлежащим и его составом, а ремы – со сказуемым и его составом. В тексте Пушкина именно она и представлена. Тема: а) *Печаль моя*; б) *сердце*; в) *оно*. Рема: а) *светла*; б) *полна тобою*; в) *вновь горит и любит*; г) *не любить не может*.

Если иметь в виду анализ текста с точки зрения **структурного синтаксиса**, то весь текст представлен *тремя сложными предложениями*, два из которых бессоюзных, а одно – многокомпонентное или многочленное (сложносочинённое с подчинением). Следует заметить, что *актуальное членение в отношении сложного предложения* как единой коммуникативно-синтаксической единицы разработано в меньшей степени по сравнению с простым предложением. Это обусловлено тем, что разные типы сложных

предложений в коммуникативном плане не единообразны.

В пушкинском тексте «На холмах Грузии» **первое сложное предложение** (бессоюзное) характеризуется конъюнктивными отношениями между двумя частями, которые относительно свободные, равноправные предложения. Каждое из них подвергается самостоятельному актуальному (тематическому) членению (*На холмах Грузии лежит ночная мгла; Шумит Арагва предо мною*) в качестве коммуникативно-структурных единиц. Их объединение в составе сложного предложения обусловлено в коммуникативном плане целеустановкой автора – показать место, в котором пребывает лирический герой, и пейзаж которого навеяли на него личные воспоминания о возлюбленной.

Второе сложное предложение (бессоюзное) также отражает конъюнктивные отношения между тремя частями с их самостоятельным актуальным членением (*Мне грустно и легко; печаль моя светла; Печаль моя полна тобою, Тобой, одной тобой*). В коммуникативно-структурном плане оно, скорее всего, может быть рассмотрено как состоящее из двух частей (*Мне грустно и легко* и *Печаль моя светла и полна тобою, тобой, одной тобой*). Коммуникативная перспектива всего сложного предложения отражает специфику чувств лирического героя, но как бы распределённых между ним как косвенным субъектом и характеристикой принадлежащего ему выделенного чувства – печали. Такое коммуникативно-структурное предложение, с одной стороны, характеризует разноплановую субъектную ориентацию его частей, которая не связана с активным представлением субъекта **Я**, а с другой стороны, эта субъектная разноплановость подаётся в рамках цельной коммуникативной единицы, отражающей настроение поэта в целом.

Третье предложение *Унынья моего Ничто не мучит, не тревожит, И сердце вновь горит и любит – оттого, Что не любить оно не может* также состоит из трёх частей, которые образуют сложное предложение с бессоюзной и подчинительной связью. Такая синтаксическая структура позво-

ляет в плане её членения выделить две части: 1) простое предложение с однородными сказуемыми (*Унынья моего Ничто не мучит, не тревожит*) и 2) сложноподчинённое предложение с придаточным причины (*Сердце вновь горит и любит – оттого, Что не любить оно не может*). Между собой эти части соединены сочинительной связью (соединительной, выраженной союзом **и**). Первичной является сочинительная связь, которая позволяет в этом предложении видеть сложносочинённое предложение с подчинением. Если первое предложение как бы продолжает концентрировать внимание на восприятии чувств лирического героя (печаль – уныние), выступающих (используемых) в качестве грамматических субъектов, по отношению к которым предсказывается определённое состояние, то сложноподчинённое предложение раскрывает характер этих чувств, причину их восприятия в жизнеутверждающем плане. Поэтому в актуальном членении сложноподчинённого предложения присутствует тематическая часть, представленная главной частью (*Сердце вновь горит и любит*), и рематическая часть (оттого, *Что не любить оно не может*). Коммуникативное задание по отношению к нему может быть сформулировано так: *Почему (отчего) сердце поэта вновь горит и любит? – Потому что (оттого, что) не любить оно не может*. В отличие от коммуникативных заданий к бессоюзным сложным предложениям, сложносочинённое предложение с подчинением в большей степени сориентировано на цельность восприятия настроения поэта, объясняющую такое его состояние. В плане актуального членения третье сложное предложение позволяет выделить не только актуализацию смыслового его содержания в целом, но и в частях по отдельности.

Таким образом, актуальное членение тематическо-рематического типа и грамматические членения предложения совпадают не во всех высказываниях, о чем свидетельствует наличие в них тематическо-рематического членения с грамматическими основами в выражении ремы или темы. Обращает на себя внимание отсутствие чисто рематических высказываний. Это позволяет охарактеризовать акту-

альное членение стихотворений Пушкина «На холмах Грузии» и «Я вас любил» с ярко выраженным тема-рематическим членением, которое предполагает выделение определённых типов связи между высказываниями текста в целом или его структурных единиц [13].

3.3. Типы связи (по Ф. Данешу) в актуальном членении стихотворения «На холмах Грузии».

1. Простая линейная тема-рематическая прогрессия, когда тема каждого следующего высказывания повторяет ремю предыдущего. 1) *Мне грустно и легко; печаль моя светла*. Тема *печаль моя* повторяет компонент ремы *грустно* в плане их содержательной близости, что находит отражение в синонимии слов *печаль* и *грусть*. 2) Развитием этой тематической линии можно считать тему *унынья моего*, по отношению к которой в качестве ремы выступает грамматическая основа *ничто не мучит, не тревожит*.

2. Сквозная тема, когда темы нескольких высказываний совпадают, обеспечивая тем самым смысловое единство той или иной текстовой единицы. Ср. в тексте: *Шумит Арагва предо мною. Мне грустно и легко; печаль моя светла; Печаль моя полна тобою, Тобой, одной тобой... Унынья моего Ничто не мучит, не тревожит*. В качестве сквозной темы можно выделить тему печали, которая повторяется полностью в двух высказываниях и отчасти соотносится с семантикой слова *уныние* в третьем высказывании: *печаль моя светла; Печаль моя полна тобою, Тобой, одной тобой... Унынья моего Ничто не мучит, не тревожит*. Сквозная тема связана в тексте с обозначением лирического героя и его чувств, которые выражены либо косвенными формами личного местоимения *Я* (*предо мною, мне*), либо его атрибутивными формами (*моя, моего*).

3. Тема-рематическое расщепление, когда тема и рема как бы расщепляются (подразделяются) на выделяемые внутри темы и/или ремы подтемы и подремы, которые развивают общую тему или ремю, но при этом не нарушают смыслового единства текста или его единицы. Например, *И сердце вновь горит и любит – оттого, Что не лю-*

бить оно не может. Данное предложение с темой *сердце* развивает тему *Я – моя печаль – унынья моего* и ремю в ряду *вновь горит и любит – не любить не может* в ряду предыдущих рем *светла – полна тобою*.

Таким образом, актуальное членение предложения в стихотворении «На холмах Грузии» (кстати, как и в стихотворении «Я вас любил») выполняет функцию смыслового развёртывания текста, структурирует в нём смысловые связи между высказываниями, которые в своём единстве обеспечивают целостное восприятие текста. Поэтому нельзя утверждать, что актуальное членение в силу своей автономности не структурировано в коммуникативном пространстве. Оно имеет свою структурную организацию, в основе которой типы связей высказываний в тексте. Кроме того, актуальное членение предложения оказывается не только основой смыслового развёртывания текста, но и его *интерпретации* читателем. Другими словами, формирование и передача смысла определяется говорящим (автором), а его понимание и восприятие – слушающим (читателем).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленный анализ стихотворений А.С. Пушкина показал необходимость учёта в ЛАХТ не только традиционно выделяемых его компонентов (история создания текста, его тематика и жанр, образы, изобразительно-выразительные средства), но и такой компоненты, как актуальное членение предложения. Цель актуального членения – выявление смысловой нагрузки грамматических частей высказывания, которые имеют различное соотношение с актуальным членением, то есть части актуального членения не совпадают с грамматическим членением. Кроме того, актуальное членение предложения, с одной стороны, обуславливает смысловое структурирование текста, а с другой стороны, в своём коммуникативном назначении, представленном коммуникативными заданиями, само определяется текстом.

В этом смысле примечательны высказывания И.П. Распопова и Н.И. Жинкина. По мнению И.П. Распопова, предложение (вы-

сказывание) – это не только единица, выражающая законченную мысль, но и *сообщаемая* единица [14], которая является частью того или иного текста, предназначенного для читателя (слушающего). Поэтому, сосредоточив основное внимание на грамматическом строении предложения, авторы школьных учебников по существу упускают *главное*, **что** позволяет осмыслить содержательный аспект предложения и как единицы синтаксиса, и как единицы коммуникации [15]. В этом плане показательно мнение психолога-лингвиста Н.И. Жинкина: «Предложением управляет текст. Человек не говорит отдельно придуманными предложениями, а одним задуманным текстом» [16, с. 108].

В результате объектом актуального членения является и предложение, и текст, которые оказываются единицами разных уровней –

синтаксического и коммуникативного. В первом случае актуальное членение сориентировано на грамматическую структуру предложения, а во втором случае – на текст (дискурс), в рамках которого мы имеем дело уже с предложением как *коммуникативно-структурной* единицей. В этом качестве предложение анализируется с позиции его интеграции в текст (коммуникативный акт), что значительно усиливает коммуникативную составляющую в изучении синтаксиса в целом и предложения в частности. Поэтому в ЛАХТ актуальное членение является системно востребованным компонентом для понимания и восприятия текста в целом. Оно позволяет осмыслить единство языка и литературоведения в понимании и восприятии читателем художественного текста как эстетического объекта.

Список источников

1. Шарандин А.Л. Поэтика как объект междисциплинарного изучения // Экология языка и речи: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию проф. В.Г. Руделева. Тамбов, 2013. С. 281-283. <https://elibrary.ru/vcdrzv>
2. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Ленинград: Просвещение, 1972. 270 с.
3. Бахтин М.М. Проблема текста: опыт философского анализа // Эстетика словесного творчества. Москва: Искусство, 1986. С. 297-325. <https://elibrary.ru/vqmumnn>
4. Шарандин А.Л. Когнитивная поэтика в системном описании поэтического языка // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. 2012. № 10 (144). С. 18-26. <https://elibrary.ru/pjireb>
5. Жолковский А.К. Поэтика за чайным столом и другие разборы. Москва: Новое литературное обозрение, 2014. 296 с.
6. Звегинцев В.А. Мысли о лингвистике. Москва, 1996. 336 с.
7. Пешковский А.М. Принципы и приёмы стилистического анализа и оценки художественной прозы // Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики. Москва; Ленинград, 1930. 176 с.
8. Потебня А.А. Слово и миф. Москва: Правда, 1989. 622 с.
9. Гинзбург Л.Я. О лирике. Москва: Интрада, 1997. 409 с.
10. Якобсон Р.О. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Семиотика. Т. 2 / сост. и общ. ред. Ю.С. Степанова. Москва: Радуга, 1983. С. 462-482.
11. Шарандин А.Л. Актуальное членение стихотворения А.С. Пушкина «Я Вас любил» // Славянский мир: духовные традиции и словесность. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2024. № 14. С. 282-291.
12. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. Санкт-Петербург: Искусство, 1996. 848 с.
13. Daneš F. Functional Sentence Perspective and the Organization of the Text // Papers on Functional Sentence Perspective. Prague, 1974. P. 106-128. <https://doi.org/10.1515/9783111676524.106>
14. Распопов И.П. Актуальное членение предложения и контекст // Спорные вопросы синтаксиса. Ростов-на-Дону, 1981. С. 99-106.
15. Шарандин А.Л. Коммуникативно-структурный синтаксис как отражение взаимодействия системно-центрического и антропоцентрического подходов к языку // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 4. С. 67-77. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2023-4-67-77>, <https://elibrary.ru/zprlxf>
16. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. Москва: Наука, 1982. 157 с.

References

1. Sharandin A.L. Poetics as an object of interdisciplinary study. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 80-letiyu professora V.G. Rudeleva «Ekologiya yazyka i rechi» = Proceedings of International Scientific Conference Dedicated to the 80th Anniversary of the Professor V.G. Rudelev "Ecology of Language and Speech"*. Tambov, 2013, pp. 281-283. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vcdrzv>
2. Lotman Yu.M. *Analysis of the Poetic Text*. Leningrad, Prosveshchenie Publ., 1972, 270 p. (In Russ.)
3. Bakhtin M.M. Text problem: philological analysis experience. In: *Estetika slovesnogo tvorchestva = Aesthetics of Verbal Creativity*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986, pp. 297-325. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vqmumn>
4. Sharandin A.L. Cognitive poetics in system description of poetic language. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*, 2012, no. 10 (144), pp. 18-26. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pjireb>
5. Zholkovskii A.K. *Poetics at the Tea Table and Other Discussions*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014, 296 p. (In Russ.)
6. Zvegintsev V.A. *Thoughts on Linguistics*. Moscow, 1996, 336 p. (In Russ.)
7. Peshkovskii A.M. Principles and techniques of stylistic analysis and evaluation of fiction. In: *Voprosy metodiki rodnogo yazyka, lingvistiki i stilistiki = Questions of Native Language Methodology, Linguistics and Stylistics*. Moscow, Leningrad, 1930, 176 p. (In Russ.)
8. Potebnya A.A. *The Word and the Myth*. Moscow, Pravda Publ., 1989, 622 p. (In Russ.)
9. Ginzburg L.Ya. *About the Lyrics*. Moscow, Intrada Publ., 1997, 409 p. (In Russ.)
10. Yakobson R.O. Poetry of grammar and grammar of poetry. In: *Semiotics*. Moscow, Raduga Publ., 1983, vol. 2, pp. 462-482. (In Russ.)
11. Sharandin A.L. The actual division of A.S. Pushkin's poem "I loved you". In: *Slavyanskii mir: dukhovnye traditsii i slovesnost' = The Slavic World: Spiritual Traditions and Literature*. Tambov, Derzhavinskii Publishing House, 2024, no. 14, pp. 282-291. (In Russ.)
12. Lotman Yu.M. *About Poets and Poetry*. St. Petersburg, Iskusstvo Publ., 1996, 848 p. (In Russ.)
13. Daneš F. Functional Sentence Perspective and the Organization of the Text. *Papers on Functional Sentence Perspective*. Prague, 1974, pp. 106-128. <https://doi.org/10.1515/9783111676524.106>
14. Raspopov I.P. Current sentence division and context. *Spornye voprosy sintaksisa = Controversial Syntax Issues*. Rostov-on-Don, 1981, pp. 99-106. (In Russ.)
15. Sharandin A.L. Communicative-structural syntax as reflected in the interactions of system-centric and anthropocentric approaches to language. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki = Issues of Cognitive Linguistics*, 2023, no. 4, pp. 67-77. (In Russ.) <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2023-4-67-77>, <https://elibrary.ru/zprlxf>
16. Zhinkin N.I. *Speech as a Medium of Information*. Moscow, Nauka Publ., 1982, 157 p. (In Russ.)

Информация об авторе

ШАРАНДИН Анатолий Леонидович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, русской и зарубежной литературы, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-0296-0473>, sharandin@list.ru

Поступила в редакцию 23.06.2025

Поступила после рецензирования 26.08.2025

Принята к публикации 24.09.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Anatoliy L. Sharandin, Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of the Russian Language, Russian and Foreign Literature Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-0296-0473>, sharandin@list.ru

Received 23.06.2025

Revised 26.08.2025

Accepted 24.09.2025

The author has read and approved the final manuscript.